

В день инаугурации нового президента, когда мы опасались, как бы его не убили, пока он шел рука об руку со своей прекрасной супругой через ликующую толпу, а также когда столь многие из нас стояли на грани экономического краха из-за ипотечной пирамиды и когда Исида¹ все еще была египетской матерью богов, некоронованный король семидесяти с лишним лет прибыл в город Нью-Йорк с тремя сыновьями-полусиротами и поселился во дворце своего изгнания. Он держался так, словно все было в порядке и с этой страной, и с миром, и с его собственным прошлым. Он начал царствовать в наших окрестностях как снисходительный император, хотя при всей своей очаровательной улыбке и умении играть на скрипке (Гваданини 1745 года) он испускал тяжелый и дешевый аромат, безошибочно различаемую вонь примитивной деспотической угрозы, тот запах, что остерегает нас: не спускай глаз с этого парня, он способен в любой момент распорядиться тебя убить, если ему не пригля-

¹ По-английски ISIS — Исида и ИГИЛ (организация, запрещенная на территории РФ).

нется твоя рубашка, например, или приглянется твоя жена. Следующие восемь лет, годы правления сорок четвертого президента, стали также годами все более сумасбродного и устрашающего владычества над нами человека, именовавшего себя Нерон Голден (на самом деле он не был королем), и это время завершилось большим, метафорически говоря, апокалиптическим пожаром.

Старик был невысок ростом, можно даже сказать, приземист, и гладко зачесывал волосы — по большей части все еще темные вопреки его преклонным годам — назад, подчеркивая треугольную челку, “чертов хохолок”. Глаза у него были черные, пронзительные, но первым делом ты замечал — он часто заворачивал рукава повыше, именно чтобы обратить внимание собеседника — предплечья толстые и сильные, как у борца. Крупные золотые перстни сверкали изумрудами. Мало кто слышал, чтобы он повысил тон, но мы не сомневались, что в нем таится великая мощь голоса, которую лучше не пробуждать. Одевался он дорого, но при этом в нем было нечто животное, шумное, отчего он казался Чудовищем из сказки, словно человеческие наряды его сковывали. Мы все, жившие по соседству, изрядно его побаивались, хотя он предпринимал заметные и неуклюжие усилия, чтобы вести себя приятно, добрососедски, неистово размахивал тростью, приветствуя нас, и в самое неуместное время зазывал к себе на коктейль. На ходу и стоя он подавался вперед, словно борясь с сильным ветром, который только он и ощущал, верхняя часть туловища наклонялась слегка, не слишком сильно. Это был мощный человек — более того, человек, влюбленный в свою мощь. Его трость казалась скорее декоративной и экспрессивной, чем функциональной. Прогуливаясь в Саду, он всячески старался подружиться с нами. Часто он протягивал руку, чтобы погладить чью-то собаку или потрепать ребенка по волосам. Но дети

и собаки съезжались от его прикосновения. Порой, наблюдая за ним, я вспоминал созданного Франкенштейном монстра, симулякр, который терпел провал при любой попытке выразить подлинно человеческие чувства. Его кожа была коричневой и словно дубленой, в улыбке блестели золотые пломбы. Громкий человек, не всегда соответствующий нашим нормам, но безмерно богатый, и потому, разумеется, с его присутствием мирились, хотя нельзя сказать, чтобы он сделался особо популярен в нашем сообществе художников, музыкантов и писателей.

Можно было бы сразу сообразить, что человек, принявший имя последнего римского императора из династии Юлиев-Клавдиев и поселившийся в *domus aurea*¹, публично заявляет о собственном безумии, злодействе, мании величия и грядущем роке и к тому же смеется всему перечисленному в лицо; что такой человек бросает перчатку к ногам рока и щелкает пальцами под носом надвигающейся Смерти, восклицая: “Да! Можете сравнивать меня, коли охота, с чудовищем, которое поливало христиан оливковым маслом и превращало в факелы, освещавшие по ночам его сад! С тем, кто играл на лире, когда горел Рим (скрипок в ту пору на самом деле еще не было)! Да, я назвался Нероном из династии Цезарей, последним из этой кровавой семейки, и понимайте это как знаете. А мне просто имечко нравится”. Он совал нам под нос свою извращенность, наслаждался ею, дразнил нас, презирая наши умственные способности, уверенный, что сумеет без труда одолеть всякого, кто противостанет ему.

Он явился в этот город словно один из тех свергнутых европейских монархов, глав завершившихся династий, кто

1 Золотой дом (лат.). Так назывался дворец римского императора Нерона, который “играл на скрипке, пока горел Рим”, уничтожал христиан, а когда подданные наконец взбунтовались, покончил с собой. *Golden House* — дом Голденов и буквально “Золотой дом”.

по-прежнему использует вместо фамилии торжественные титулы — *Греческий, Югославский, Итальянский* — и словно бы не замечает горестной приставки “экс”, будто ее и не существует. Он-то ни в чем не “экс”, говорила его манера держаться, король с ног до головы, от жесткого воротника рубашки, запонок в манжетах, шитой на заказ английской обуви до манеры неуклонно двигаться на закрытые двери, зная, что они перед ним распахнутся; королевской была и его подозрительность, он ежедневно проводил заседания с каждым из сыновей по отдельности, выпрашивая, что говорят о нем другие два брата; королевскими были его автомобили, пристрастие к азартным играм, неотбываемая подача в пинг-понге, склонность к проституткам, виски, фаршированным яйцам и частенько повторяемая максима, ее уважали все абсолютные властители от Цезаря до Хайле Селасие: единственная ценная в его глазах добродетель — преданность. Он часто менял мобильные телефоны, почти никому не сообщал номер и не отвечал на звонки. Не впускал в дом журналистов и фотографов, но там частенько бывали двое из его постоянных товарищей по игре в покер — седовласые донжуаны, обычно в кожаных куртках и ярко-полосатых галстуках, молва подозревала обоих в убийстве богатых жен, хотя в одном случае обвинения вовсе не выдвигались, а в другом остались недоказанными.

О своей отсутствующей жене он молчал. В его доме среди множества фотографий — на стенах и каминных досках расположились рок-звезды, нобелевские лауреаты, аристократы — не было снимка миссис Голден или как там она звалась. Тут явно таился какой-то позор, и мы, к стыду нашему, перешептывались, гадая, что же это могло быть, воображая размах и наглость ее измен, восстанавливая образ аристократической нимфоманки с сексуальной жизнью более скандальной, чем у любой кинозвезды, ее неверности были известны

Часть I

всем и каждому, за исключением мужа, чьи глаза, ослепленные любовью, с обожанием взирали на ту, которую он считал преданной и целомудренной женой своей мечты, и так до ужасного дня, когда друзья поведали ему правду, сошлись все вместе и сказали ему, и как он неистовствовал! Как проклинал их! Называл лжецами, предателями, семеро мужчин с трудом удерживали его, не давая поранить тех, кто вынудил его увидеть реальность как она есть — и наконец он признал реальность, принял ее, изгнал эту женщину из своей жизни и запретил вовеки приближаться к рожденным ею сыновьям. Дурная женщина, говорили мы друг другу, восхищаясь собственной проницательностью, и эта сказка вполне удовлетворила нас, на том мы и остановились, нас больше волновали собственные проблемы, историей Н. Ю. Голдена мы интересовались лишь до известного предела. Мы повернулись спиной и занялись своими делами.

Это была страшная ошибка.

